

Зачем скрывать любовь

Автор:

[Кейтлин Крюс](#)

Зачем скрывать любовь

Кейтлин Крюс

Поцелуй – Harlequin #152

Кэтрин, красивая и умная девушка, в двадцать три года вышла замуж за Джанни Кастелли – семидесятилетнего миллионера из Италии. Два года она прожила в его семье, где все ее ненавидели, особенно младший сын мужа Лука. Он так откровенно демонстрировал свое презрение и ненависть к молодой мачехе, что каждый раз, встречаясь с ним, она испытывала неподдельный страх. Со смертью мужа Кэтрин не только получила наследство, но и право работать в компании Кастелли. Лука был вне себя от гнева, но это не помешало ему потерять голову из-за этой женщины. Подумать только, он сходил с ума из-за вдовы его старика-отца!

Кейтлин Крюс

Зачем скрывать любовь

Castelli's Virgin Widow © 2016 by Caitlin Crews

«Зачем скрывать любовь» © «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением.

Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

* * *

Посвящается моему великолепному редактору Фло Николль.

Спасибо за прекрасный год совместной работы и заботу обо мне и моих книгах

Глава 1

– Прошу тебя, Рафаэль, скажи, что это всего лишь глупая шутка. Розыгрыш, как у клоунов в Италии.

Лука Кастелли даже не попытался сдержать возмущение. Он хмуро оглядел помещение библиотеки, где находился со своим старшим братом Рафаэлем, который был также его начальником и главой семейной компании, он же вел те дела, интересом к которым Лука никогда не отличался.

– Хотел бы, чтобы так и было, – сказал Рафаэль. Он сидел перед большим камином, не отрывая глаз от весело пляшущих языков пламени. Жаль, что они не могли развеселить Луку или хоть как-то поднять ему настроение. – Увы. Когда дело касается Кэтрин, у нас нет другого выбора.

Сейчас брат был похож на высеченную в граните статую монаха. Его суровое лицо с резкими чертами лишь укрепляло ощущение Луки, что его предали, добавляло горечи и сожаления. Перед ним сейчас возникло лицо прежнего Рафаэля, тяжелое, мрачное, без намека на радость, с отпечатком тоски и разочарования. Он больше любил брата другим, каким тот был в последние несколько лет, после того как женился на женщине, которую любил больше жизни и которую долго считал мертвой. Сейчас они ждали третьего ребенка.

Лука ненавидел все происходящее, то горе, которое словно отбросило их на несколько лет назад, вернуло тягостную реальность тех дней. Лука не любил горе в любой его форме и проявлении.

Их отец, печально известный Джанни Кастелли, умер. Это был человек, создавший империю по производству вина, ставшую творением, демонстрирующим мощь богатства и человеческой жестокости, и известную по крайней мере на двух континентах. Однако самого Джанни больше знали благодаря его бурной личной жизни.

Холодный январский дождь настойчиво бил в окна имения Кастелли, раскинувшегося на берегу высокогорного озера в Доломитовых горах Северной Италии. Дом был большим и красивым, построенным на века. Свисающие почти над самой водой свинцовые облака скрывали остальную часть картины мира, словно скорбя об ушедшем Кастелли, похороненном утром в семейном склепе.

Теперь ничто уже не будет по-прежнему.

На протяжении многих лет Рафаэль занимал должность исполнительного директора, поскольку отец, несмотря на возраст, отказывался уйти на покой. Теперь же ему предстоит встать у руля, а Луке занять место исполнительного директора. Подобная расстановка была хороша и для братьев Кастелли, и для фирмы, что в принципе не вносило ничего нового в ведение дел, поскольку так роли были распределены уже давно, с того момента, как у отца начались

проблемы со здоровьем.

– Я не понимаю, почему мы не можем просто заплатить этой женщине, откупиться от нее, как от множества остальных бывших жен? – Лука понимал, что тон его слишком резок. Его нервировало занимаемое место на диване напротив Рафаэля, но сидеть для него сейчас лучше, чем двигаться по комнате. Он не сможет удержаться и ударит кулаком по стене, возможно, все будет даже хуже. Подобная реакция ничего не объяснит брату, он лишь потеряет контроль над собой, чего никогда себе не позволял. Никогда. – Поделимся с ней состоянием отца и отправим восвояси.

– Воля отца в отношении Кэтрин четко прописана, – ответил Рафаэль, и по его голосу было понятно, что внутренне он не спокойнее, чем сам Лука. – Кроме того, она не его бывшая жена, брат, а вдова. В этом решающее отличие.

Лука едва не зарычал от злости, но в последний момент смог сдержаться.

– Это лишь разница в определениях, ничего больше.

– К сожалению, нет. В данной ситуации решать ей. Она может получить либо значительную компенсацию, либо место в компании. Она выбрала второе.

– Это же абсурд.

Даже это слово не выражало то, что хотел сказать Лука, но другого он не смог подобрать, чтобы точно выразить возникающие в душе чувства по отношению к шестой, и последней, жене покойного отца. Кэтрин. Сейчас она находилась внизу и лила горькие слезы – похоже, даже вполне искренне – по ушедшему мужу, который был втрое старше ее и брак с которым женщина ее возраста могла заключить лишь из самых циничных побуждений.

Лука видел ее лицо, застывшее выражение и скорбь в глазах. Так бывает, когда человек полностью погружен в горе. Однако Лука ей не верил. Насколько он знал жизнь, любовь, способная вызвать такие чувства после кончины мужа, встречается крайне редко, особенно, как показывает жизнь, в семье Каstellли. Счастливый брак Рафаэля – единственное исключение за много поколений.

– Мы знаем о ней лишь то, что отец нашел ее на улице Лондона, где она торговала вразнос, – проворчал он и покосился на брата. – Что, скажи на милость, мне делать с ней в офисе? Ты уверен, что она умеет, например, читать?

Глаза Рафаэля, такие же карие, как у него самого, посмотрели на него с прищуром.

– Ты придумашь, чем ее занять, потому что, согласно завещанию, мы должны взять ее на работу на три года. Достаточное время, я полагаю, чтобы привить ей умение наслаждаться творениями писателей. А нравится она тебе или нет, не имеет никакого значения.

«Нравится» было совсем не то слово, которым можно описать эмоции, возникавшие в сердце Луки при упоминании этой женщины. Ничего даже отдаленно похожего.

– Любые мои чувства для нее слишком большая честь, – усмехнулся Лука. – Приобретение отцом очередной девушки в качестве жены является лишь потаканием мужскому самолюбию. Это очевидно.

Брат посмотрел на него долгим взглядом. За спиной задребезжало старое окно. Покачнулось пламя в камине. Внезапно у Луки появилось чувство, что он не желает слышать то, что собирается сказать Рафаэль. Хотелось, чтобы он, как и сам Лука, был не в силах выбраться из клетки боли и ярости, лишаящей возможности сосредоточиться на чем-то другом, думать и говорить. По крайней мере, тогда понять брата было бы проще. Сейчас же перед ним сидел человек, проникнуть в мысли которого было невозможно.

– Если ты так решительно настроен, – продолжал Лука, – давай отправим ее в Саному. Там она сможет набраться опыта у виноделов Калифорнии, помнишь, мы ведь сами прошли тем же путем, когда были мальчишками. Это будет для нее прекрасный отдых далеко, очень далеко от нас.

«Вернее, от меня, – хотел сказать он. – Подальше от меня».

Рафаэль пожал плечами:

– Но она выбрала Рим.

Рим. Родной город Луки. Его отделение в высококонкурентном семейном бизнесе. Именно там были сосредоточены все силы и мощь компании, которая, как приятно было думать Луке, создавалась при его непосредственном участии. А теперь ему предстоит стать няней для той, что была одной из десятков увлечений отца. И его очередной ошибкой, пожалуй, самой большой, на взгляд Луки.

– У меня нет для нее ни кабинета, ни даже места, – продолжал он. – Команда хорошо подобранная и слаженная, в ней нет работы для очередного трофея отца.

Рафаэль смотрел на него не как брат, а как начальник. Он был вежлив и при этом совершенно безжалостен.

– Значит, ты отделаешь для нее еще одну комнату.

Лука покачал головой:

– Появление этого существа принесет проблем на месяцы, а то и годы.

– Я верю в твой профессионализм, ты этого не допустишь, – сухо произнес Рафаэль. – Или ты в себе сомневаешься?

– Такое откровенное кумовство, скорее всего, вызовет...

– Лука... – Брат не повысил голоса, но его интонация заставила замолчать. – Твои возражения мне понятны, но ты не желаешь увидеть полной картины.

– Так просвети меня, – сказал Лука своим обычным чуть насмешливым тоном.

Рафаэлю ему не удалось обмануть. Тот взял бокал с антикварного столика и принялся вращать в руке, любясь растекающейся по стенкам янтарной жидкостью.

– Кэтрин сейчас в центре общественного внимания, – произнес он после паузы. – Ее лицо появляется на обложке и первой странице каждого уважающего себя издания с той поры, как стало известно о кончине отца. Все пишут о ее горе, о ее самоотверженности и бескорыстии. И все в таком духе.

– Ты не будешь осуждать меня, если я не поверю в искренность ее чувств? – Фраза прозвучала легко и ничем не напоминала о тех эмоциях, которые он при этом испытывал. – Это мягко говоря. Ее любовь к его банковскому счету для меня более правдивая, хотя и менее интересная история.

– Истина – вещь легко трансформируемая, правдивая история часто совсем не похожа на то, что выплескивается на страницы газет. – Рафаэль посмотрел на брата и грустно улыбнулся. – Но можем ли мы жаловаться на то, что на этот раз публикации не идут нам на пользу?

Лука не видел ничего общего в реакции прессы, явно поддавшейся на манипулирование последней жены отца, и произошедшим с Рафаэлем и его женой, Лили, считавшейся мертвой в течение пяти лет. Она когда-то приходилась братьям сводной сестрой – ничего нет запутаннее генеалогического древа Кастелли. Лука решил, что на этот раз будет лучше промолчать.

Выдержав секундную паузу, Рафаэль продолжил:

– Такова реальность. Да, мы много лет вели дела компании, но восприятие извне отличается. Сейчас у многих недоброжелателей появилась возможность выступить с заявлениями о том, что неблагодарные сыновья Джанни Кастелли только и ждут момента, чтобы разрушить все, что с таким трудом создавал их отец. Наше негативное отношение к Кэтрин лишь подольет масла в огонь. – Не сделав и глотка, он вернул бокал на место. – Я не желаю ни сплетен, ни раздоров. Ничего, за что могли бы зацепиться когтями эти мерзкие журналисты. Ты меня понял? Это необходимо.

Лука уяснил, что это не совет брата, а директива начальства. Тот факт, что Лука – совладелец, ничего не меняет, он по-прежнему обязан подчиняться Рафаэлю. Брат имеет право раздавать приказы.

Лука резко встал, решив закончить разговор прежде, чем выскажется необдуманно.

Рафаэль не пошевелился.

- Мне все это не по душе, - тихо произнес Лука. - И может плохо кончиться.

- Не может, - возразил Рафаэль. - В этом-то все дело.

- Когда из-за некомпетентности этой женщины у компании возникнут серьезные проблемы, я напомню тебе, что взять ее на работу была твоя идея. - Лука направился к двери. Сейчас он не может спокойно сидеть на месте, ему нужно чем-то себя занять, чтобы найти в себе силы смириться с этой ужасной реальностью. - Обсудим это потом, когда потонем и окажемся на дне моря. Развалившись на части.

Рафаэль рассмеялся:

- Кэтрин не станет нашим «Титаником», Лука. - В его голосе мелькнули нотки, которые Луке очень не понравились. Брат смотрел на него, чуть склонив голову. - Хотя, возможно, станет твоим.

Лука подумал, что сегодня, как, впрочем, и в любой другой день, мог бы обойтись без комментариев брата, в которых фигурирует имя Кэтрин. Черт бы побрал эту женщину. Вместе с его отцом, который навязал ее сыновьям.

Сделав неприличный жест, вызвавший смех брата, он вышел из библиотеки и быстро зашагал по широким мрачным коридорам старого дома, не обращая внимания на привычные детали: портреты на стенах, статуи знаменитых итальянских скульпторов в нишах. Все здесь было таким, как и до его рождения, и будет таким, когда Арло - старший сын Рафаэля - станет дедом. Род Каstellи продолжается и будет продолжаться, как бы все запутано ни было в семье.

Проходя мимо одной из комнат, он услышал голос Лили. Невестка, которую он наблюдал беременной уже шесть месяцев, вела беседы с восьмилетним сыном Арло и двухлетним Рензо на тему их неподобающего поведения. Лука невольно усмехнулся, вспомнив, что в детстве выслушивал похожие лекции на этом самом

месте. Нет, не от матери, отстранившейся от своих обязанностей вскоре после его рождения, и уж конечно не от отца, считавшего себя слишком важной персоной, чтобы снисходить до решения семейных проблем и воспитания детей. Им занимался легион хорошо подготовленного персонала, а потом многочисленные мачехи, подключающиеся к процессу воспитания каждая по своим мотивам.

Похоже, именно тогда он стал питать отвращение ко всякого рода сложностям. А заодно и к мачехам.

Лука ненавидел все происходящее вокруг. С детства он любил, чтобы все было просто и понятно. Без грязи и мелодрам. Без театральности, неминуемо выплескивающейся на страницы газет, где семью Кастелли часто представляли в самом невыгодном свете. Он ничего не имел против ярлыка одного из самых известных в мире плейбоев, он сам в значительной степени способствовал такой репутации, надеясь, что тогда никто не будет воспринимать его всерьез. Он не разбивал сердца, не позволял отношениям стать слишком бурными и эмоциональными, что так часто делали остальные члены семьи.

Однако с Кэтрин совсем другая история. Размышляя об этом, он спустился на первый этаж и подошел к дверям главной библиотеки. В глубине комнаты он заметил одинокую фигуру у дальнего окна. Женщина смотрела на дождь за стеклом и выглядела так, словно собиралась побороться за титул мисс Одиночество.

Лука не был удивлен, что в последние дни почти все издания писали о Святой Кейт – так ее прозвали за страдания и скорбь, в которые она погрузилась после кончины старшего Кастелли. Она так убедительно играла роль наивной, потерянной, раненной в самое сердце молодой вдовы, что Лука не раз задумывался о том, что ей было лучше посвятить себя сцене.

При всем этом он не мог понять, почему, стоит ему приблизиться к этой женщине, как внутри все напряженно замирает, а внешняя оболочка становится такой чувствительной? Внезапно появляется неуместное желание прикоснуться к ее коже и проверить, такая ли она гладкая, какой выглядит. Подобные чувства казались ему непозволительными и очень странными, для них сейчас не время и не место, особенно учитывая тот факт, что перед ним жена его отца и подчиненная, чью отвратительную натуру ему еще предстоит досконально узнать за время работы в одном офисе в Риме.

Он внимательно вглядывался в женщину, стоящую в окружении огромных стеллажей с книгами, словно пытался сделать так, чтобы все это исчезло. А еще лучше – заставить ее исчезнуть.

Помимо карьеры отец Луки немало преуспел в брачных делах, у него был талант находить и брать в жены женщин, которые милостиво позволяли ему выступить в роли спасителя, чем умело пользовались. В этом ему не было равных. Времени на первую жену, которую он отправил с глаз подальше в психиатрическую лечебницу, а потом горько оплакивал, и детей Джанни не хватало. Что же касается вереницы любовниц, для них он всегда был свободен и готов исполнять роль бога-спасителя. Потому Лука не был удивлен, когда после развода с пятой женой отец пожелал вернуться в Италию, прихватив с собой шестую супругу.

– Появилась следующая невеста, – сообщил ему Рафаэль, едва Лука переступил порог дома в Доломитах ясным зимним утром два года назад.

Лука смотрел на брата во все глаза. Что он мог на это сказать?

– Она хоть совершеннолетняя?

– Почти, – фыркнул Рафаэль.

– Ей двадцать три, – произнесла Лили, положив руку на огромный живот, из которого вскоре появился Ренцо, и оглядела братьев. – Почти ребенок, – с укоризной добавила она. – Кстати, очень хорошенькая.

– Разумеется, хорошенькая, – усмехнулся Рафаэль. – Это ведь часть ее работы.

Лука представлял себе очередную мачеху ангелоподобным белокурым существом, купающимся в обожании отца, крепнущем, несмотря на то что супруга предпочитала проводить время, болтая по сотовому телефону – когда была одна – и критикуя бестолковых сыновей мужа – когда он был рядом. Например, Коринне – модели, демонстрирующей купальники, – было девятнадцать, когда она вышла замуж за Джанни. Однако войдя тогда в библиотеку, где его ждали отец и Арло, вместо клона Коринны, чьи достоинства были в основном искусственными, он увидел Кэтрин.

Ему подумалось, что эта женщина оказалась здесь по ошибке. Он остановился как вкопанный, сраженный ее милой и по-британски вежливой улыбкой. Молча смотрел на нее, не двигаясь с места, до тех пор, пока губы ее не превратились в тонкую линию.

Что она здесь делает? Здесь, около одряхлевшего отца, сидящего в кресле у камина, сложив на коленях руки с узловатыми пальцами – следствие многолетнего артрита. Она не заламывала руки, изображая наивную школьницу, и не бросала на Луку кокетливые взгляды, как делали остальные мачехи.

Господи, она не может быть его мачехой. Только не она.

Волосы ее были темно-коричневыми, почти черными при этом свете, но временами благодаря отблескам огня в них вспыхивали золотые искры. Густые и длинные, они лежали на плечах, обрамляя лицо с ясными серо-зелеными глазами. Одета она была в простые черные брюки и мягкий пуловер песочного цвета с небольшим вырезом, открывавшим шею. Она выглядела элегантно и скромно, в ней точно не было ничего искусственного: хрупкая фигура, блестящие от природы волосы, выразительные глаза и губы, тоже казавшиеся вполне натуральными.

Губы.

Это был рот соблазнительной куртизанки, манящий, чувственный, но самым шокирующим для Луки стало то, что сама девушка, похоже, не имела ни малейшего представления о том, какое оказывает воздействие на мужчин. Кэтрин производила впечатление воплощенной невинности, что было, разумеется, абсурдно. Об этом глупо даже думать. Такая девушка не выйдет замуж за мужчину, который годится ей в дедушки.

– Лука! – рявкнул Джанни и продолжал по-английски, чтобы его будущая жена все поняла: – Что с тобой? Забыл о хороших манерах? Кэтрин – моя жена и твоя мачеха.

Голова стала постепенно наполняться дымом. Черный и удушливый, он завладевал всем телом, но подобрать название для него он не мог. Внезапно Лука осознал, что уже пересек комнату и стоит перед ней, подавляя мощью своей фигуры. Она не отступила.

В больших выразительных глазах мелькнуло необъяснимое выражение – да, он точно заметил, как они вспыхнули, и выражение их стало растерянным. Затем, вместо того чтобы соблазнительно изогнуться, пытаясь представить себя в выгодном свете, Кэтрин расправила узкие плечи и протянула ему руку.

– Рада с вами познакомиться, – произнесла она бодрым голосом с выраженным английским акцентом.

Слова посыпались на него осколками льда, но им не удалось затушить бушующий внутри пожар. Лука пожал руку, хотя знал, что совершает ошибку.

Так и случилось. Опасения оправдались.

Тонкая ладошка выскользнула из его руки, поражая гладкостью кожи, это прикосновение взволновало его больше, чем самая изощренная ласка.

Он был просто обязан скорее убрать руку, разорвать контакт, но вместо этого сжал ее сильнее, будто хотел отчетливее ощутить тепло, услышать удары сердца. Губы Кэтрин разомкнулись, глаза смотрели так, будто она ощутила то же самое.

Лука напомнил себе, заставив встряхнуться, что не имеет права на такие чувства, ведь стоящая перед ним женщина не просто не свободна. Все гораздо хуже.

– И я рад, дорогая мачеха, – сказал он неожиданно низким голосом. Полыхавший внутри огонь сдавливал грудную клетку и мешал не только говорить, но и дышать. Кэтрин отшатнулась. Теперь он никогда не узнает, стали ли причиной его агрессивное выражение лица или поразившие ее чувства, которые она, как и он, пыталась скрыть. – Добро пожаловать в семью.

И вот годы спустя он вновь стоит у дверей той же библиотеки и разглядывает женщину в простом черном платье, невероятным образом сделавшем ее прекраснее.

На бледном лице нет следов макияжа, кажется, с него сошли и все природные краски, волосы убраны назад, заплаканные глаза окутала густая бахрома

слипшихся ресниц. Можно подумать, она действительно оплакивает покойного мужа, которого использовала для достижения своих грязных целей. Определенно она заранее все продумала и составила план, как проникнуть в офис Луки против его воли.

Ярость цепкими когтями вонзилась в душу. Изнутри его охватывало то, что было намного сильнее ее, нечто темное и мрачное, что он предпочитал держать очень глубоко, – знакомое чувство ненависти к самому себе.

– Хватит вам, Кэтрин, – произнес он, и звуки разлетелись в этом большом, заполненном книгами помещении. – Старик испустил дух, журналисты разошлись по домам. Для кого весь этот спектакль?

Глава 2

Лука Каstellи был для Кэтрин воплощением грубости и беспощадности, которые она слышала в каждом произносимом в ее адрес слове на английском языке с мягким итальянским акцентом. И каждый раз она вздрагивала, будто ее ударило током.

Когда он вошел в комнату, она едва не подпрыгнула от неожиданности, и это не укрылось от его напряженного взгляда. «Очень хорошо», – подумала Кэтрин. Теперь ясно, какова по силе его ненависть. Впрочем, она и не надеялась, что сможет расположить к себе этого человека. Все, что она делает, вызывало и будет вызывать его раздражение. Тем не менее от всей души желала, чтобы он не испытывал к ней ненависти, по крайней мере сейчас, когда для нее начинается новая жизнь.

Кэтрин решила: то, что она имеет, все же лучше, чем ничего. Совсем неплохо для старта. Мама всегда воспитывала ее так, чтобы она оставалась храброй в любой ситуации, хотя на поверку дочь выросла трусихой. Роуз Мёрчент никогда не позволяла трудностям встать между ней и важным делом и при каждом удобном случае напоминала Кэтрин о необходимости так поступать. Сама Роуз не могла пробиться в мир ее мечты, имея на руках ребенка, которого поднимала одна, но ведь дочь просто обязана была это сделать ради всех принесенных матерью жертв.

Чтобы заглушить чувство вины, которое испытывала из-за необходимости заключить брак с Джанни, ставший актом расплаты за все принесенные матерью жертвы, Кэтрин позволила себе немного подумать о том, что могла бы сделать для себя.

Она неловко повернулась – в его присутствии она все делала неловко, – а он, будто нарочно, обращал внимание на каждую мелочь, на ее смущение и использовал против нее. Она осмелилась поднять глаза на Луку.

Сегодня утром Кэтрин долго размышляла над тем, что надеть, поскольку не хотела выглядеть дорогой шлюхой, одновременно боясь предстать перед обществом в образе плохой копии Одри Хепберн. Газетчики неминуемо заметили бы сходство, раструбили об этом во всех изданиях, назвав, например, попыткой преклонения перед Одри, что наверняка еще больше разозлило бы Луку. Ей вновь пришлось бы выслушивать от него гневные речи, терпеть колкости снова и снова, и так без надежды, что это когда-либо закончится...

Кэтрин старалась отсрочить неизбежное. Она всегда мечтала получить шанс иметь интересную работу, в отделе маркетинга например, там, где можно заниматься творческими идеями, а не сидеть над цифрами, которые лишь усиливали в душе чувство безнадежности. Все два года брака она жила мыслью о работе в семейной компании, надеждой быть ближе к Луке, казавшемуся ей гением в своем деле. Во всем же остальном он производил ужасное впечатление, впрочем, Кэтрин убедила себя, что это общая черта многих успешных мужчин.

– Здравствуйте, Лука, – произнесла она и порадовалась тому, как уверенно звучит ее голос. Спокойно и чуть холодно, несмотря на бушующие внутри эмоции.

В основном они были связаны с тем, что в комнате сейчас находился Лука Каstellи, а смотреть на него было так же тяжело, как на солнце. Так было с самого первого дня ее появления в доме.

Как обычно, у нее стала немного кружиться голова. Лука сделал несколько шагов. У Кэтрин создалось впечатление, что к ней приближается черная тень, а не мужчина привлекательной внешности с правильными чертами лица и красивой фигурой.

Даже в день похорон отца, одетый в строгий темный костюм, он демонстрировал безупречный вкус и привлекательность мужественной внешности. Он, как всегда, был расслаблен, ироничен и чуть насмешлив, каким умеет и может позволить себе быть только потомок известного рода, богатый и породистый, среди себе равных. Где бы он ни был, чем бы ни занимался, у него всегда был такой вид, будто он отдыхает на яхте в окружении красавиц и с бокалом охлажденного шампанского в руках. Казалось, он в следующую минуту рассмеется, карие глаза вспыхнут, а с губ слетит веселый и заразительный смех.

Но когда он смотрел на нее, выражение его лица было совсем другим.

Впрочем, даже хмурым его лицо выглядело не менее привлекательным. Оно влияло лишь на Кэтрин, вызывало внутреннюю дрожь такой силы, что лишало возможности управлять своим телом.

Она мечтала исчезнуть, сбежать, и, возможно, даже решилась бы так поступить, если бы не боялась сделать еще хуже. Если Кэтрин и усвоила что-то за прошедшие два года, это то, что от Луки Кастелли невозможно скрыться, его невозможно переиграть, его придется терпеть.

– Приветствую, дорогая мачеха, – сказал он. Исходящая от него неприязнь окутала ее, словно черная паутина, неприятное, похожее на стыд чувство проникло в каждую клеточку тела и сдавило горло так сильно, что стало трудно дышать. Внешне Лука был таким же лениво-расслабленным, как всегда, будто и не пытался воздействовать на нее, но в карих глазах плескалось нечто пугающее, то, что она ощущала даже на таком расстоянии. – Или нам называть вас по-другому? Вдова Кастелли. Полагаю, надо будет напечатать это на вашей визитке.

– Знаете, – произнесла Кэтрин, все еще не придя в себя и не вполне отдавая отчет тому, что говорит, – если вы не станете задирать меня хотя бы пять минут, нам всем будет лучше. Мы со всем справимся. Я обещаю.

Лицо его стало непроницаемым, губы превратились в тонкую линию. Он неожиданно проворно преодолел расстояние между ними и встал рядом. Слишком быстро, чтобы Кэтрин смогла собраться.

– Я понятия не имею, зачем вы решили разыграть этот спектакль и еще перенести его в мой офис, – заговорил он, нависая над ней. – Полагаю, по всей Европе найдется немало баров, где вы сможете с большей пользой продолжить наслаждаться ролью. Уверен, через неделю на ваш крючок попадет очередная крупная рыба.

То, что он до сих пор так сильно ее ненавидит, не должно было ее удивлять. Лука был весьма постоянен, а отношение к ней определил с первого момента их встречи, когда она только прибыла с Джанни в Италию два года назад. Сейчас он стоял почти на том же месте, что и в то холодное зимнее утро, и смотрел на нее с той же злобой и раздражением.

– Полагаю, земля разверзнется, если вы наконец признаете, что я могу быть не такой, какой вы меня считаете. – Она расправила плечи, словно стряхнула с себя бессмысленное сожаление по поводу того, какие чувства к ней испытывает этот красивый мужчина. – Кто знает, что могло бы произойти, если бы вы отказались от предрассудков. Разумеется, такому человеку, как вы, это непросто сделать. К тому же у вас их слишком много.

Правда состояла в том, что, несмотря на два года жизни под одной крышей, она совсем не знала Луку. Единственное, что ей было известно наверняка, – это то, что он питает к ней стойкое, весьма сильное и нескрываемое отвращение. Зачем она сейчас уже целых три секунды пытается убедить его в том, что он не прав, оставалось для нее загадкой. На мгновение она пожалела о содеянном. Лука сделал шаг, затем еще один. Он надвигался на нее – богатый, шикарный, благополучный, шагая по бесценным коврам, покрывавшим начищенный до блеска пол, и заставляя трепетать книги, написанные на разных языках, о некоторых из них она даже не слышала.

– Сейчас не менее подходящий момент для обсуждения вашей работы в моем офисе, чем любой другой, – мрачно заключил Лука. – От сотрудников я требую прежде всего послушания. Если мне будет интересно ваше мнение, я сам спрошу. Во всех остальных случаях, как вы понимаете, вам лучше молчать. И смириться, что так будет всегда. И еще вам придется соблюдать конфиденциальность. Если я пойму, что вам нельзя доверять, что вы постоянно даете интервью, а пресса обсуждает, что вы сделали хорошо или плохо, Святая Кейт...

Она вздрогнула:

– Прошу, не называйте меня так. Вы же знаете, это придумали журналисты. Я не имею никакого отношения к святой Кейт.

– Поверьте, – поморщился Лука, – меня вам не ввести в заблуждение своей напускной невинностью и чистотой.

Если бы он дал пощечину, ей было бы не так обидно. Она знала, что он ее ненавидит, но не понимала причину, что, впрочем, было не столь важно. Кэтрин никогда не стремилась получить с помощью Джанни богатство или драгоценности, как остальные его жены. Она мечтала лишь о шансе проявить себя в профессиональной деятельности в компании с мировым именем и наконец доказать матери, что она чего-то стоит. Именно это обещал ей Джанни, когда уговаривал бросить обучение в Лондоне для получения диплома магистра делового администрирования и выйти за него замуж, она получит возможность работать в его компании, когда их брак закончится.

Это было мечтой Кэтрин. Однако в данный момент ей больше всего хотелось забыть обо всем и убежать из этой комнаты, ведь Лука все равно не позволит ей добиться цели, ему нет дела до обещаний Джанни.

Мама никогда ей этого не простит, а маленькая девочка, которая до сих пор жила внутри Кэтрин, не могла допустить, чтобы это произошло.

– Лука, – тихо произнесла она, – позвольте прервать череду ваших оскорблений, всегда таких изощренных, продуманных, видно, что вы и к этому вопросу подходите творчески, но я хочу заверить вас, что имею твердые намерения...

– Упаси меня бог от беспринципных женщин с твердыми намерениями. – Он смотрел прямо ей в глаза так пристально, словно гипнотизировал. Она не заслужила этот полный презрения взгляд и не должна на него так реагировать. У Кэтрин буквально подкашивались ноги и дрожали руки. – По желанию отца я обязан дать вам работу в фирме, что это будет за работа, не оговаривалось. Если вы посмеете жаловаться, будет хуже. Это ясно?

От страха застучало в висках, ей опять захотелось убежать из комнаты. Ужас был такой огромной силы, что сжал все тело в ледяные тиски, схватил за горло, дошел даже до самого низа живота.

Кэтрин не понимала, что с ней происходит, почему она так остро реагирует.

– Очень интересно, – бросила она в лицо Луке так резко, как только смогла, добавив немного сарказма. Разумеется, Джанни умер, теперь с его волей никто не будет считаться. – Значит, вы отправите меня мыть полы? Наверное, заставите скрести их на коленях зубной щеткой? Да, это поможет мне многому научиться. Без сомнения.

– Очень в этом сомневаюсь, – произнес он сквозь зубы. Лука был всего в нескольких футах от нее. Слишком близко. Она видела выплескивающуюся через край бурлящую в нем ярость. – Тем не менее, что бы я вас ни попросил сделать, это непременно должно быть исполнено. Без всяких возражений.

Кэтрин с трудом заставила себя заговорить:

– А что будет, если вдруг выяснится, что вы ошибались на мой счет и я не так бесполезна для компании, как вы пытаетесь представить? Полагаю, не в вашем стиле унижаться до извинений.

Лука плотно сжал губы. По непонятной для себя причине она не могла отвести от них глаз. Что же с ней происходит?

– Я когда-нибудь говорил, как сильно ненавижу подобных вам женщин?

Да. Именно это слово – «ненавижу». Очень сильное слово. Кэтрин не понимала, как получается, что каждый раз оно мгновенно меняет атмосферу в помещении, делая невыносимо напряженной. Словно ее волновало то, что говорит Лука и само его присутствие. Но ведь это не так. Он для нее лишь человек, который должен привести ее к цели.

– Прямо – нет, но вы очень часто давали мне это понять, – ответила Кэтрин, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. – Тем не менее можете гордиться тем, что с самого начала довольно ясно дали мне понять, каково ваше отношение.

– Мой отец женился на молоденьких женщинах чаще, чем некоторые мужчины покупают новые ботинки, – произнес Лука таким тоном, словно это для кого-то из них было откровением. – Вы не являетесь ничем большим, только одной из

многих бессмысленных игрушек в его постели. Вам просто повезло его пережить. Знайте, что вы ничего для него не значили.

Кэтрин покачала головой:

– Мне отлично известно, что я значила для вашего отца.

– На вашем месте я не стал бы хвастать своей расчетливостью и коварством, – презрительно бросил он. – Особенно здесь, где так много доказательств того, чего способны добиться по-настоящему трудолюбивые люди, которые были заслуженно вознаграждены, а не те, кто идет к достижению цели путем соблазнения.

Он ее оскорбил.

Может, поэтому она постоянно теряла рядом с ним способность мыслить? Но сейчас удар был слишком сильным.

– Большую часть моей жизни в браке я пыталась понять, почему вы так яростно меня ненавидите. – Она повысила голос, не обращая внимания на то, что он стоит совсем рядом, и на то, как бешено сверкают его карие глаза. – Как взрослый, вполне разумный человек, судя по тому, что он способен руководить крупной компанией, может так истово ненавидеть другого? Причем без всякой на то причины! Мне кажется это неразумным.

Она неожиданно подумала о старом итальянском доме, в стенах которого сейчас находится, о его роскоши и великолепии. О кристально чистом озере, простирающемся меж высоких гор и укрытом сейчас туманом. О Джанни, старом милом Джанни, который никогда больше не рассмешит ее, не назовет скрипучим старческим голосом «сага». Весь этот прекрасный мир словно сжался, уменьшился в размерах после его ухода, и только Лука остался прежним, полным ненависти, как и раньше.

Она не сможет этого вынести.

– Я порядочный человек и стараюсь делать все правильно. Более того, – Кэтрин позволила себе еще повысить голос, что вызвало усмешку Луки, – я не

заслужила и толики той ненависти, которую вы испытывали ко мне эти годы. Я вышла замуж за вашего отца, я заботилась о нем. Ни вы, ни ваш брат не обременяли себя этим, вам это было неинтересно. Любой другой на вашем месте поблагодарил бы меня.

– Вы были лишь одной среди целой вереницы...

– Да, я поняла. И в чем же дело? – Он был шокирован тем, что она посмела его перебить, но Кэтрин продолжала, словно не замечая этого: – Если вы видели немало таких, как я, откуда эта ненависть? Вы давно должны были привыкнуть.

– Вы были шестой.

– К остальным пяти вы не относились с презрением? – бросила ему в лицо Кэтрин. – Лили все мне о них рассказала. Вы хорошо относились к ее матери. Последняя жена Джанни не раз пыталась залезть к вам в постель, и вы каждый раз, громко смеясь, выставляли ее в коридор. Вы объяснили ей, что не стоит этого делать, поскольку попытки бесполезны. Отцу вы даже не рассказали.

– Хотите убедить меня, что вы не такая, как они? Позвольте не поверить, Кэтрин. Я не так наивен.

– Я не сделала вам ничего плохого, Лука.

Ей все труднее становилось контролировать свой голос. Наружу рвались чувства, почти два года запечатанные в душе. Она помнила все его едкие, колкие, даже мелкие и незначительные замечания. Каждое резкое слово в ее адрес. Каждый осуждающий, презрительный взгляд. Каждый момент, когда он входил в комнату, видел ее, и на лице появлялось пренебрежительное выражение. Она не забыла те случаи, когда внезапно поворачивалась к нему, прервав разговор, ощущая, что он смотрит на нее, будто сверлит взглядом.

– Я не представляю, отчего вы испытываете ко мне такую ненависть с первой минуты нашего знакомства. И не имею понятия, что происходит в вашей голове. – Кэтрин непроизвольно подалась вперед, приблизившись к нему почти вплотную, и, что уж совсем невероятно, ткнула пальцем ему в грудь. С силой. – Но с сегодняшнего дня я требую, чтобы вы относились ко мне как к любой другой своей сотруднице. Хватит вести себя так, будто я демон, посланный из

ада специально для того, чтобы вас мучить.

Кажется, он даже затаил дыхание. По крайней мере, пальцем она не ощущала, как поднимается и опускается его грудь. Неужели он окаменел?

– Уберите руку, – процедил Лука, закипая еще больше от гнева. – Немедленно.

Кэтрин пропустила его слова мимо ушей.

– Я не обязана доказывать, что я порядочный человек. – Она еще раз ткнула его пальцем, с не меньшей силой, чем в первый раз. – И я больше не желаю выслушивать от вас оскорбления.

– Я велел вам убрать руку.

Кэтрин бросила на него испепеляющий взгляд.

– Меня не интересует, что вы говорите и что обо мне думаете, – медленно и отчетливо произнесла она и ткнула пальцем в третий раз. Прямо в углубление между выступающими мышцами на торсе.

Движения его были такими быстрыми, что она не успела за ними проследить. Стоило ей ткнуть его пальцем, как в следующую секунду уже ощутила грудью твердые мускулы его торса, а рука ее была заломлена за спину. Чувства Кэтрин было трудно описать. Казалось, неведомая сила сбросила ее с одной из гор, окружавших озеро, и она летит по направлению к земле.

Сердце металось в груди словно в клетке, потемневшее от ярости лицо Луки, его напряженное тело были слишком близко, она прижималась к нему, даже преграда из платья не спасала. Ничто не создавало барьера, через который не мог бы донестись до нее аромат его туалетной воды – немного цитрусовых нот и специи. От него исходил жар, словно от хорошо нагретой печи.

От ощущения близости его обманчиво расслабленного тела внутри все закрутилось в вихрь. Она слышала только гул, через пелену которого до нее донесся голос Луки.

– Дура, – прошипел он. Губы его были так близко, что слово можно было попробовать на вкус. Мысль о том, что она может сейчас прижаться к его губам, сделала ее беспомощной. – Вот что я о тебе думаю. Ясно? – прошептал Лука.

В следующую секунду он склонился к ней и поцеловал.

Глава 3

Он не просил. Не колебался. Он просто взял, что пожелал.

Ощущая его губы, Кэтрин замерла, ожидая очередной волны страха, беспокойства или паники, что обычно сопровождалось проявлением интереса к ней мужчины.

Однако этого не произошло.

Лука целовал ее так же лениво, как делал и все остальное. Рука ее по-прежнему была за спиной. Он положил свободную ладонь ей на щеку, направляя так, как ему было нужно.

Во рту стало мокро и жарко.

Появился новый, прекрасный, животный вкус мужчины.

Он целовал ее так, будто они тысячу раз делали это прежде, словно этот момент был логическим завершением двухлетних отношений.

Ей оставалось только сдаться, позволить этому пламени захватить себя и добраться до самых глубин. На нее давила мощь его торса, от которой появлялась боль в груди и еще нечто тревожащее, вибрирующее и невыносимо тяжелое, что стекало вниз к самому животу. Это нечто настаивало, требовало.

И Кэтрин забыла.

Забыла обо всем, кроме восхитительного вкуса его губ, кроме грубого очарования, волшебства, которое он творил, заставляя ее подчиняться, будто понимал, на что способно ее тело, хотя она сама не имела об этом ни малейшего представления. Она словно перестала существовать, сгорая в этом пламени. Оно обволакивало ее, достигая каждой клеточки, каждое его прикосновение поражало, словно удар, сладкий и волнующий.

Лука отстранил ее от себя так резко, будто ему стало внезапно больно.

- Черт возьми, - пробормотал он и добавил что-то более жесткое на итальянском.

Кэтрин чувствовала, что ему будет непросто сразу ее отпустить, но стояла, не в силах вымолвить ни слова. Она не понимала, что с ней происходит, что значит эта буря внутри, от которой закипает кровь и стучит в висках, словно удары грома. Кожа стала очень чувствительной, и тело отказывалось удерживать в себе то неизвестное, что так яростно бушует внутри.

Они молчали и не сводили друг с друга глаз. Лицо его по-прежнему оставалось суровым, мрачным, но даже это не могло лишить его невероятной мужской привлекательности.

- Вы меня поцеловали, - пролепетала Кэтрин и сразу пожалела об этом.

Она облизала губы, еще хранящие его вкус, и не знала, что с ним делать, как справиться с жарким огнем, бушующим в теле, и еще чем-то томящим и влажным, сосредоточившимся внизу живота.

Ей показалось, или карие глаза стали совсем черными? Так темнеет небо перед штормом.

- Не смейте разыгрывать передо мной невинность, - зло бросил он.

- Не понимаю, что вы хотите сказать.

- Я хочу сказать, что способен увидеть разницу между девственницей и шлюхой, Кэтрин. - Глаза сверкнули, и острые лучи кольнули ее. Она не понимала, почему

испытывает сейчас те же чувства, что в момент их поцелуя. – Я могу ее ощутить.

Кэтрин смешалась, не понимая, как должна реагировать в этой ситуации.

– Лука, – начала она очень осторожно, так же, как вела себя, когда изучала вкус его губ. Впрочем, она и сама не понимала, как нашла в себе силы говорить. – Я думаю, нам стоит забыть обо всем, что произошло. Это была лишь слишком сильная эмоциональная реакция в связи с тяжелым днем и...

– Тебе не сделать меня своей следующей жертвой, Кэтрин, – перебил ее Лука. Каждое слово было пропитано негодованием, на лице отразились все чувства, которые он испытывал к ней. – Слышишь меня? Этому не бывать.

– Мне не нужны жертвы. У меня нет оружия. Что же у вас за жизнь, если вы думаете о таких вещах?

Он сжал ее руку и рывком потянул к себе. Огонь внутри ее вспыхнул с новой силой. Кэтрин едва устояла на ногах.

– Я не желаю видеть вас в своем офисе, – прорычал Лука. – Не желаю, чтобы вы пачкали имя Каstellи больше, чем уже сделали. Я не желаю видеть вас рядом с тем, что мне дорого.

Кэтрин услышала, как стучат ее зубы, хотя ей не было холодно.

– Угроза была бы куда более устрашающей, если бы вы не прикасались ко мне, – заговорила она, не сумев придать тону холодность. – Никогда.

Лука отпустил ее и неожиданно рассмеялся, хотя этот смех не имел ничего общего с тем беззаботным и радостным, который сделал его популярным во многих странах.

– Я никогда не унижусь до того, чтобы довольствоваться обедами отца. – Он впился в нее взглядом, чтобы Кэтрин отчетливо поняла, что он имеет в виду, хотя она предпочла бы этого не слышать. – Я также не позволю вам вести свою игру в коллективе моих подчиненных и сбивать людей с толку. Учтите, со мной у вас ничего не получится.

– Да, – кивнула она, все еще плохо контролируя то, что говорит и делает. Почему же она сама не своя, когда рядом Лука? В чем причина? Она два года пыталась быть выше всех его оскорблений, не позволять им задевать ее, но так и не смогла. – Полагаю, вы именно поэтому меня поцеловали. Хотели продемонстрировать, что у вас против меня иммунитет.

Лука замер.

Кэтрин невольно затаила дыхание, словно боялась, что малейшее движение способно вывести его из себя. Его взгляд был прикован к ее лицу, словно она стала для него мишенью. Небольшое пространство между ними неожиданно стало уплотняться, его пронзили невидимые провода, по которым побежал ток. Эти провода опутывали ее все сильнее, кровь пульсировала в висках.

Она видела, что и Лука не смог противостоять их воздействию, это было ясно по его красивому и холодному лицу.

Лука тряхнул головой, прогоняя наваждение, выражение лица стало меняться, на нем уже отражалась не мучительная тяжесть, а скорее презрение.

– Вы об этом пожалеете, – твердо произнес Лука.

Кэтрин с трудом сглотнула:

– Потрудитесь говорить конкретнее. Это ведь может касаться многих вопросов.

– В этом будьте уверены, – процедил он, будто не слыша ее. – Я об этом позабочусь и никогда не забуду.

Эти слова он произнес словно клятвенное обещание, оно отозвалось в ее голове звуками гонга. Все еще ощущая на губах вкус его поцелуя, с трудом контролируя движения тела, переполняемого неизвестными эмоциями, она стояла и смотрела, как, развернувшись, он удаляется от нее к двери.

Больше всего ей хотелось навсегда забыть о произошедшем. Взять деньги, предложенные Рафаэлем в качестве отступного, и уехать подальше от этого дома. В этом случае у нее будет возможность жить так, как она только

пожелает, стать тем, кем захочет. Но главное, у нее будет возможность оказаться очень далеко от семьи Каstellи, частью которой она была так невыносимо долго.

Однако это означало бы, что последние два года прошли впустую, что она обменяла кусок жизни на деньги, а значит, она именно такая, какой считает ее Лука, и все жертвы ее матери тоже напрасны. Она не имеет права допустить столь ужасного развития событий. В глубине души еще жила надежда, что после всего, что произошло в ее жизни, ей осталось совсем немного, чтобы достигнуть цели и заставить мать оценить и полюбить ее. Необходимо сделать еще совсем немного.

– Я рада, что между нами состоялся наконец этот разговор, – произнесла она ему в спину, не сводя с нее глаз. – В понедельник все встанет на свои места.

Он не повернулся к ней, но замедлил шаг.

– В понедельник?

Кэтрин решила, что, поскольку считает себя порядочным человеком, не станет позволять насладиться моментом пусть маленькой, но все же победы.

– О да, – спокойно произнесла она, пожимая плечом. – В понедельник, когда я приступлю к работе.

Он не должен был прикасаться к ней.

И уж, конечно, не должен был позволять себе ее целовать.

Когда дело касалось женщин, он всегда ощущал себя глупцом. Мысли об этом преследовали его всю дорогу до самого Рима.

Лука приземлился на частном аэродроме Каstellи, пересел в блестящий автомобиль и погнал его по римским улицам. Вскоре он уже входил в дом, построенный в эпоху Возрождения, который использовал для жизни и работы, и с сожалением вздохнул. Езда по улицам города, ощущение дороги, риск – все

это давало возможность отвлечься от мыслей о Кэтрин, которые были для него куда более опасными.

Они проникли глубоко в его душу и зарождали подозрения, что он попался на ту же уловку, что и все мужчины в роду Кастелли, забыв о самоконтроле, который развивал и укреплял всю свою сознательную жизнь.

Бросив ключи служащему у гаража, Лука прошел в здание. Он двигался словно в тумане. Очнувшись через некоторое время, он обнаружил, что стоит посреди просторного холла и думает о глазах этой чертовой Кэтрин, которые после поцелуя приобрели невероятной красоты зеленый оттенок, вспоминает, какими были на вкус ее пухлые губы...

Он грубо выругался, взъерошил руками волосы и направился в офис, занимавший два первых этажа особняка в районе Триденте, в шаге от Испанской лестницы и Пьяцца дель Пополо.

Здесь был его кабинет. Только работа была всегда его единственной и настоящей любовью. Только она дарила нечто похожее на ответное чувство и давала одну победу за другой.

Сейчас Лука поднялся на частном лифте в пентхаус, где располагались жилые апартаменты. Квартира была оформлена в стиле минимализма, с преобладанием стекла и металла. Открытые просторные помещения с высокими потолками и бесконечными окнами, открывающими восхитительный вид на Рим, дающие возможность каждую минуту любоваться великолепным, неистовым, не затихающим ни на минуту городом.

В спальне, представляющей собой комнату со стеклянными стенами, он сорвал с себя всю одежду и прошел к бассейну на террасе, где ничто не ограничивало панорамный вид на Вечный город.

Если Рим смог выдерживать многочисленные удары на протяжении двух с половиной тысяч лет, то и он справится с натиском Кэтрин. Он понятия не имел, каков ее план. Что может знать бывшая жена отца о мире бизнеса? Возможно, у нее есть свои представления и мысли, но вряд ли это позволит ей продержаться больше недели.

Поразмыслив, Лука с облегчением пришел к выводу, что Кэтрин здесь не задержится, она просто-напросто не справится с работой – и почему он не понял этого раньше? Она скоро поймет, что лишняя в мире, где все занимаются делом, где нет место играм, и сбежит. Проблема решится сама собой.

Лука все еще был раздражен множеством путающихся в голове мыслей, которые не смог прогнать даже прохладный зимний ветер. Он потерял контроль над собой. Похоже, похороны отца огорчили его больше, чем он ожидал. Возможно, здесь кроется ответ на вопрос, почему он поцеловал Кэтрин. Черт, что же с ним происходит?

Как мог это сделать он, человек, который всю жизнь старался оградить себя от грязи и гордился тем, что в жизни его присутствует простота, что он свободен от всего, что грозит эмоциональной неустойчивостью? Ответа он найти не мог.

Лука нырнул в бассейн, теплая вода которого приятно ласкала тело, и поплыл. Напористые движения, мощные гребки разгоняли кровь и согревали тело изнутри. Брызги воды взлетали вверх перед глазами, а он плыл все быстрее, разрезая руками водную преграду.

Вскоре появилась легкая усталость, но Лука заставил себя грести и плыть дальше. Взмах, еще взмах. Отчего же Кэтрин так прочно засела в его голове? Она словно заполнила все пространство внутри его, давая понять, как пусто там было раньше.

Огромные серо-зеленые глаза, темные волосы и челка, которая необъяснимым образом делала взгляд еще более загадочным. Ее образ постоянно стоял перед глазами.

Лука остановился и изо всех сил хлопнул рукой по поверхности воды – брызги разлетелись в разные стороны.

Он ни за что не позволит себе отношения с одной из сотрудниц своей компании. У него другие планы на будущее и нет желания портить себе жизнь. Он не станет крутить романы с подчиненными и тем более довольствоваться объедками отца. Именно необузданность Джанни стала причиной того, что его сын, будучи своенравным и шумным ребенком, оставался брошенным единственным родителем на несколько месяцев в старинном поместье. Лука с

детства знал, что никогда не будет таким.

Он выбрался из бассейна и прошел в дом, даже не бросив взгляд на город, который оседавшее за горизонт солнце окрасило в оранжево-красный цвет.

Стоя у огромного окна в комнате, он не замечал, что по улицам, ведущим к Пьяцца ди Спанья и Испанской лестнице, гуляют люди, а ведь были вечера, когда здесь собирались, кажется, все жители Рима.

Он видел перед собой лишь Кэтрин, одетую в траурный наряд, напоминающую вдову из какой-то детской сказки. Это необходимо немедленно прекратить. Существуют как минимум две причины, по которым их отношения невозможны. Во-первых, ее брак с отцом. Во-вторых, многочисленные публикации в прессе, которые канонизировали ее, как святую Кейт, представили прекрасной англичанкой, не побоявшейся выступить против драконов из знатной итальянской семьи.

Сегодняшний поцелуй стал третьей причиной. Он не сможет убедить себя, что не понял, с какой страстью его влекло к этой женщине, а ведь он был уверен, что смог давно искоренить подобные пагубные качества.

Лука давно дал себе слово, что будет держаться подальше от этого болота под названием безудержная страсть, и надо признать, ему всегда это удавалось.

До встречи с Кэтрин. Правда заключается в том, что он сам не сдержался и поцеловал ее. Он признавал, что вина лежит на нем, и не важно, что причины поступка ему непонятны.

Луку также настораживало, что Кэтрин ответила на его поцелуй.

Она буквально растаяла в его объятиях. Это было ясно по тому, как ее губы встретили его, как она прижалась к нему, тогда он даже на несколько мгновений забыл, где находится. Так повела себя его мачеха, вдова отца, покоящегося в семейном склепе неподалеку.

Может, он заболел? Пожалуй, в этом нет сомнений, если учесть, что даже сейчас он помнит сладкий вкус губ Кэтрин.

Но что за игру она затеяла?

Она красива, это нельзя не признать. Ему даже показалось, что она действительно невинна и чиста, как кажется. Он до сих пор ощущал на губах ее вкус. И это раздражало больше всего.

До того как последний луч заходящего зимнего солнца скрылся за горизонтом, Лука обещал себе не просто сделать путь карьерного роста этой чертовой вдовы отца сложным и неприятным, но и создать ей поистине невыносимые условия существования.

Он сбросит венец с головы Святой Кейт и откроет миру ее истинное лицо.

Кэтрин переступила порог офиса «Кастелли Уайн» в одном из самых очаровательных районов Рима ровно в девять часов в понедельник утром. Война начинается. Что ж, она готова. Как и к тому, чтобы занять оборону и не сдаться. Возможно, она и не вышла победителем в той схватке, что произошла в библиотеке дома среди туманных гор, но в общем положении вещей это ничто не меняет. Это лишь первое сражение. Всего лишь поцелуй, и ничего более.

Сейчас важна сама война.

Девушка за стойкой у входа окинула Кэтрин ледяным взглядом и попыталась объяснить по-итальянски, что ни слова не понимает из ее речи, но потом все же взяла трубку, набрала номер и заговорила на великолепном английском, не сводя при этом глаз с посетительницы. Закончив, она так же бесстрастно посмотрела на Кэтрин, хотя та готова была поклясться, что видела в ее взгляде надменность и торжество победителя.

Кэтрин приказала себе не реагировать на подобные пустяки.

– Как приятно, что вы все же говорите по-английски, – с улыбкой сказала она. – Сообщите Луке, что я здесь.

Не дожидаясь ответа, Кэтрин прошла к одному из жестких стульев, стоящих в приемной, постаралась устроиться поудобнее и стала ждать. Время шло, и она

все ждала. И ждала. И ждала. Постоянно напоминая себе, что она на войне.

Кэтрин размышляла об этом все выходные и в какой-то момент поняла, что, несмотря на бахвальство Луки, он совсем ее не знает и не представляет, с кем ему предстоит иметь дело. Она не позволит ему – или девушке за стойкой – испытать наслаждение, видя, как она нервничает от нетерпения.

Достав мобильный телефон, Кэтрин придала лицу безмятежное выражение и написала матери сообщение о том, что приступила к работе в «Кастелли Уайн», а потом стала просматривать новости. Так прошел час.

Наконец появился Лука. Она ощутила его присутствие раньше, чем увидела.

Казалось, к ней приближается темная грозовая туча, заполняя собой все пространство приемной, всего минуту назад ярко освещенной утренним солнцем. Сегодня Лука выглядел еще лучше. На нем был не такой строгий костюм, верхняя пуговица белой рубашки расстегнута, предоставляя возможность любоваться оливковой кожей и наводя на мысли о мощном, скрытом тканью торсе. Его мрачное лицо начинало казаться ей все более привлекательным. Боже, это похоже на сказку о любви красавицы к чудовищу.

– Вы опоздали, – прервал Лука ее мысли.

Это было нечестно, но Кэтрин достаточно было взглянуть на самодовольное лицо девушки за стойкой, чтобы понять: спорить бесполезно. Кроме того, Лука предупредил ее, что не станет слушать ее жалобы. Что ж, она это учтет. Она встала и поправила смявшуюся юбку:

– Прошу меня простить. Этого больше не повторится.

– Сомневаюсь, – фыркнул Лука и посмотрел на нее с внезапно мелькнувшим удивлением.

Кэтрин сочла разумным не продолжать дискуссию и промолчать. Она сделала несколько шагов, подходя ближе, и с каждым стуком каблуков убеждалась все больше, что уже смогла забыть то, что произошло на прошлой неделе в библиотеке.

И вкус его губ, и дрожь, которую вызвали его прикосновения, и жар, охвативший все тело, страсть, с которой он... Кэтрин старалась не думать об этом, и у нее получилось ни о чем не вспоминать.

Лука оставался непроницаемым. Он повел ее в глубь офиса, и она решила, что попутно он захочет разглядеть выбранный ею наряд – черную юбку-карандаш и простую белую шелковую блузку, – подобранный с особой тщательностью, чтобы никого не оскорбить, но, скосив глаза, Кэтрин увидела, что он смотрит куда-то вдаль.

Они остановились у больших стеклянных дверей, ведущих в переговорную комнату, и Лука махнул рукой, приглашая ее присоединиться к собравшейся там группе людей. «Мои коллеги», – догадалась Кэтрин и обвела всех взглядом, отметив, что ни на одном лице не возникло улыбки.

Она замерла в нерешительности рядом с Лукой, но он уже потянулся к ручке двери.

– Что вы им сказали обо мне? – спросила она.

– Моим подчиненным? Правду, разумеется.

– И какую, позвольте поинтересоваться?

– Она, как обычно, одна. – Лука усмехнулся, вполне довольный собой. – Одна наглая особа, вдова моего отца, потребовала дать ей место, которого не заслуживает. У нас нет свободных вакансий, поэтому ваше появление потребует реорганизации.

– Надеюсь, вы не собираетесь определить меня в уборщицы? – Она повернулась к нему и вскинула бровь. – Вы ведь намекнули, что поставите меня в настолько неприятное положение, насколько сможете.

– Я назначил вас моим личным помощником-референтом, – ответил Лука, и его темные глаза блеснули. – Отмечу, что это самая желанная должность в этом отделении для всех, присылающих резюме в компанию.

Он чуть отстранился, и Кэтрин заметила, что он немного расслабился. Очевидно, был очень доволен собой. От этого у нее по спине пробежал холодок.

– Мне потребовалась на решение вашей судьбы лишь секунда. Вам ясно, о какой силе идет речь?

Кэтрин невольно нахмурилась:

– Зачем вы это сделали? Почему не отправили в подвал перебирать бумаги?

– Потому что, дорогая мачеха, не стоит пытаться отсрочить неизбежное, – протяжно произнес Лука и посмотрел на нее так пристально, что едва не вызвал мрачные воспоминания о сковавшем некогда ее душу поцелуе. – Я уверен, что вы не продержитесь здесь три года. Мне интересно, когда вы уйдете. Через три дня? Или через три недели?

– Я не уйду, – бросила ему в лицо Кэтрин и вскинула голову.

Лука кивнул в сторону людей за стеклом, вззирающих на нее с нескрываемой враждебностью:

– Каждый человек в этой комнате отобран мной лично. Все они заслужили должности, которые занимают. Они работают вместе уже давно и стали хорошо слаженной командой. Но я сообщил им, что теперь все будет по-другому, поскольку в коллективе появятся вы, нравится им это или нет. – Он окинул ее взглядом. – Как видите, они взволнованы.

Сердце упало в пятки. Только сейчас она поняла, что сделал Лука.

– Вы нарисовали мишень на моей спине, – пролепетала она, с трудом шевеля почти онемевшими губами. – И сделали это намеренно.

На этот раз улыбка Луки была столь счастливой, что заулыбались даже его глаза, хотя при этом взгляд не стал теплее.

– Именно так.

Затем он распахнул перед ней дверь, жестом приглашая войти и сразиться со стаей волков.

Глава 4

Три страшные недели и два дня спустя Кэтрин с гордо поднятой головой поднялась по трапу и прошла в салон частного самолета семьи Кастелли, стоящего на аэродроме в пригороде Рима. На этот раз в качестве ненавидимого всеми сотрудника офиса Луки. За прошедшее время к ее прозвищу Святая Кейт, казавшемуся теперь невинным, добавилось немало эпитетов, характеризующих ее как самую ужасную из всех мачех Кастелли.

Однако ей казалось, что она вполне контролирует этот поток агрессии. И все с помощью улыбки.

Кэтрин улыбалась каждый раз, когда при ее появлении присутствующие замолкали. Улыбалась, когда коллеги делали вид, что не поняли ее вопроса, и заставляли повторять дважды, а то и трижды, но ее слова повисали в воздухе. Она улыбалась, когда ее замечания игнорировали на собраниях. Улыбалась, когда Лука ругал ее за то, что она позволяет всем и каждому беспрепятственно входить в его кабинет, а потом улыбалась еще шире, когда он сам впускал сотрудников через боковую дверь, понимая, что скандал повторится еще не раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.me/ru/keytlin-kryus/zachem-skryvat-lyubov>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)